

ДРОВА

Мне приснились хрустящие макароны с поджаристой корочкой, и я проснулась. В комнате стоял неподвижный, прозрачный холод. Вчера мама истопила глинянку последним кизяком, но за ночь всё остыло. Я посмотрела на забитые снегом окна, послушала, как от сильного ветра дребезжат стёкла...

«...Всё было мрак и вихрь, ветер выл с такой свирепой выразительностью, что казался одушевлённым...» Пушкин хорошо знал эти края. Он был здесь, когда писал «Историю Пугачёва».

Оренбургские степи. Летом опалённая жарой трава и песчаные бури, зимой метели и трескучие морозы. И среди этих степей – город. Мы с мамой живём в старом, облупленном двухэтажном доме с высоким парадным крыльцом. Его охраняют два спящих льва с отбитыми носами. Но вход в наше жилище не с парадного, а со двора. Лестницей вниз, через холодный коридор в подвал, первая дверь направо – в нашу комнату. Серые стены, прогнивший пол, низкий потолок, весь в одинаковых метках от штыков. Говорят, здесь когда-то была гауптвахта. Из двух окон вид на мостовую с шагающими туда-сюда ногами. Это летом. Зимой окна замерзают и ничего не видно.

Но и такому жилищу мы рады. Вместе с ордером маме выдали в госпитале железную кровать, матрас и серое солдатское одеяло. У нас есть колченогий стол и два «венских» стула, оставшихся от прежних жильцов. На гвозде у двери, на самодельных вешалках, висит весь наш гардероб: моё пальто, купленное по талону в военторге, и мамино платье цвета «электрик». Она уезжала в нём из родного города с противогазом через плечо, который так никогда и не понадобился. Мама ходит в ватных стёганных брюках и старой шинели. На голове у неё шапка-ушанка. В этом наряде она выглядит очень

хорошо. Больше у нас ничего нет. Мы — эвакуированные. Приехали сюда из города на холмах, окружённого крепостной стеной, с памятником великому композитору, чью музыку я слышу с самого раннего детства.

Трудно привыкать к ровным улицам с добротными деревянными домами и высокими заборами, к ранней осени без листьев. Они осыпаются, не успевают пожелтеть, лишая наслаждения от ярких красок природы.

«Мы остались *как стой*», — часто повторяет мама. Но она говорит это без грусти и ни на что не жалуется. Просто вспоминает своё пуховое одеяло, белые фетровые боты — однажды я засунула в них пробку от одеколona, чуть каблук не сломался! А ещё бал-маскарад в Доме культуры профсоюзов. Она там танцевала с гусаром, а в это время папа сидел со мной дома и читал газеты.

Мама уже ушла в госпиталь и, если привезут раненых, неизвестно когда вернётся домой. А у меня — каникулы. Но вставать всё равно надо.

Я вскочила, быстро надела рыжие бурки, перешитые из старого тулупа, всунула их в галоши, повязалась серым клетчатым платком, как следует застегнулась и вышла на улицу.

Снег всё шёл и шёл, наметая сугроб за сугробом. Во дворе я встретила Витьку из нашего класса. У него отец генерал. Витька живёт на втором этаже с матерью и двумя маленькими сестричками.

— Пойдёшь завтра в школу на вечер? — спросил он.

— Наверно.

Но на вечер я, конечно, не пойду. Не в чем. Да и Витька не стал бы со мной танцевать. Он считает себя взрослым, носит тельняшку, широкие брюки с клиньями и даже курит! «Я — романтик моря», — повторяет он на каждом шагу и готовится в морское училище. Моя подруга Лидка считает, что он очень похож на артиста Столярова.

Из форточки выглянула Мария Николаевна, генеральша.

— Витька! Ты опять куришь?

— Да я ж не курю, я просто прикуриваю. — И он прячет окурки в карман.

Мария Николаевна — высокая женщина с крупными чертами лица и печальными серыми глазами. Она носит котиковую шубу, белые валенки и пуховый платок, но эти дорогие вещи выглядят на ней очень просто. Она ни с кем из соседок не останавливается, поздоровается и проходит мимо. А они судачат между собой: «Что-то давненько не видно генерала. Наверное, он их бросил, вот она и ходит такая хмурая». Мне очень хочется посмотреть, как у генеральши дома, но через стёкла видны только тюлевые занавески.

Я пошла к подруге. Лидка — местная. Их маленький белый домик совсем близко. Как они помещаются в нём: мать, отец, две сестры и она? С утра до ночи Лидкина мама возится по хозяйству, кормит и поит всю семью. Отец ей редко помогает, потому что тяжело болен и почти всё время лежит на печке. А сёстры весь день на работе в госпитале.

Каждый раз, когда я к ним прихожу, её мама спрашивает: «Кушать, наверное, хочешь?» И обязательно чем-нибудь накормит. Вот и сегодня отрезает от только что испечённого каравая огромный ломоть горячего пшеничного хлеба и наливает кружку молока.

Мне очень хорошо у этих людей, поэтому я не спешу уходить. Но зимний день летит незаметно, уже темно. Снег всё ещё идёт, ветер прекратился. Хозяйки домов отгребают лопатами заносы от своих дверей. Я иду домой. В окнах светятся неяркие огоньки.

Как я люблю заглядывать в чужие окна! Нет, не от любопытства. Это совсем другое. Я ищу в окнах домашний уют. То, что безвозвратно потеряно нами с мамой. Вот вижу в окне уголок кровати, покрытой белым одеялом, на подушке – кружевная накидка; кусок стола, а на нём горит керосиновая лампа под стеклянным абажуром... Сегодня в одном окне мелькнули ветка от ёлки, блестящий шар и серебряная нить. Завтра – тридцать первое! Новый год!

У крыльца нашего дома Витька с каким-то солдатом выгружают из саней большое дерево с редкими ветвями и длинными тёмно-зелёными иголками. Это – сосна. У нас дома их не украшают. В наших лесах достаточно пушистых и стройных елей.

Солдатик обрубил лишние ветки и вместе с Витькой потащил сосну в подъезд. Я подняла самую большую ветвь, принесла домой. Нашла для неё бутылку с отбитым горлышком, налила воды и поставила на стол.

Пришла мама, усталая и замёрзшая. Принесла мне баночку с рисовой кашей.

– Привезли эшелон раненых. Там девочка-санитарочка, ранена в руку. Одна в палате. Ты сходи, навести её.

Потом мы попытались растопить печку ломаными фанерками. Мама расщепляла их ножом и по одной подкладывала в костерок. Они вспыхивали и тут же прогорали. Пришлось пить холодный чай.

Спать мы легли почти не раздеваясь, накрылись поверх одеяла шинелью, крепко обнялись, но согреться никак не могли, у меня мёрзла даже голова.

– Мама, а что если мы доски сожжём?

– Какие доски? У нас нет никаких досок.

– А вот эти, на которых лежит матрас?

– Да ты что! Как же мы будем спать? Провалимся, как в гамаке. – Мама глубоко вздохнула.

– А ты видела брёвна во дворе? Лежат с самого лета, наверно, ничьи. Если взять одно?

Мама не отвечала. А я вдруг очень ясно представила себе другую печку, там, дома, облицованную белым кафелем, с двумя дверками: одна решётчатая, с узорами, через неё видно, как горят дрова, а другая чугунная, с засовом.

Как мне нравилось сидеть на полу возле печки и смотреть на красные огни, мелькающие в круглых отверстиях! Мама брала маленькую кочерёжку и время от времени ворошила угли...

И вдруг мама сказала:

— Я слушала в Москве Нежданову. Как она пела в «Лакме»!

Было тихо. Дом спал.

Так мы лежали довольно долго. Мама, наверное, решила, что я уснула, и, стараясь меня не тревожить, встала, надела валенки.

— Ты куда?

— Посмотрю, что за брёвна.

— Я с тобой!

Буран давно затих. В небе среди редких звёзд висела ко всему безразличная луна. Под ногами хрустел снег. Было очень холодно. Мы подошли к слежавшемуся сугробу, в который превратилась горка брёвен. Самое верхнее оказалось не очень толстым, но его невозможно было вытащить из промёрзшей груды. Мы дёргали его с обеих сторон, пытались повернуть — оно не поддавалось. Мама кряхтела, тихо ругалась. И когда мы уже решили бросить свою затею и вернуться, бревно вдруг зашевелилось и поехало. Я подхватила один конец, мама другой, и мы потащили его по лестнице в подвал.

Здорово мы повозились, пока распилили его на несколько частей. Пила была ржавая, тупая, плохо врезалась в дерево, колеблясь в разные стороны. Мы тянули её изо всех сил. Колоть чурбаки было ещё труднее. После каждого неумелого удара мамы чурбак отскакивал в сторону.

— Давай я попробую! — Замахиваюсь топором, бью... и он застревает в древесине.

— Отойди, не мешай! — Мама в который раз ставит чурбак. Не разбудить бы грохотом соседей...

Наконец мы отнесли в комнату несколько охапок изуродованных поленьев.

Сухие дрова быстро разгорелись, и мы долго смотрели, как весело плясал огонь в нашей обмазанной глиной печке. Стало тепло и уютно. Сосновая ветка оттаяла, расправилась и заполнила комнату таким знакомым с детства новогодним лесным ароматом!

Мы пили чай с пареной свёклой и вспоминали, как с нетерпением ждали Нового года, покупали ёлку и украшали её, какие у нас были замечательные игрушки! Мама делала их сама, я ей помогала. Мы хранили их не один год.

В самом центре ёлки, прислонившись к стволу, обычно располагался Пьеро. Он был одет в белый балахон из жатой бумаги «лигнин». В руках держал картонную мандолину, на его бледном лице застыла нарисованная слеза. Обязательно рядом плясала Коломбина в широкой пёстрой юбке. На одной из нижних веток пристраивался огромный ватный мухомор на проволочном

каркасе, обсыпанный блёстками. Особыми прищепками прикреплялись разноцветные свечи, и мы следили, чтобы они не опрокинулись...

Поздно ночью мама тщательно разгребла угли и закрыла трубу. Мы уснули.

Утром кто-то громко постучал в дверь. Я побежала открывать. В комнату с гордо поднятой головой влетела генеральша в шёлковом халате и наброшенном на плечи пуховом платке.

— Вы украли мои дрова! — Она гневно посмотрела по сторонам.

Наверное, она разглядела нашу железную койку, сидящую на ней маму в стёганных брюках и разных валенках, колченогий «венский» стул, такой же стол, ветку сосны в бутылке с отбитым горлышком. И, не сказав больше ни слова, так же стремительно вышла, не закрыв за собой дверь.

— Что же теперь будет? — сказала мама. — Меня арестуют?

Нашу соседку тётю Валу — она работала в пекарне — осенью задержали на проходной с буханкой хлеба. И посадили. Не посмотрели, что у неё маленькие дети. Все ходили их кормить, пока не приехал из деревни дядя Вася. Он и сейчас живёт с ними: тёте Вале дали три года.

— Я пойду на работу и зайду к генеральше. Всё ей объясню. — Мама ушла.

Потом прибежала Лида. На голове, под шалью, у неё торчали какие-то бугры.

— Я накрутилась. А ты собираешься на вечер?

— Мне не в чем идти.

— А это что?

— Мамино платье. Оно не подходит.

— Подойдёт.

Я мерила, Лидка что-то подправляла, подвязывала поясом.

— Замечательно!

Ей хорошо говорить. Наденет платье старшей сестры, из парашютного шёлка, «полный круг», повесит на шею цепочку с камушком под названием из физики «кулон». Мне бы такой!

И вдруг я подумала о маме. Как она останется дома одна? А если за ней придут?

— Никуда я не пойду. — И рассказала обо всём, что случилось.

— Ну и что? Пойдём к нам, притащим на санках дров, отдадим.

Но я знала, что у них самих дров мало. А до конца зимы ещё очень далеко. Лида долго уговаривала, потом ушла.

Я повесила платье на место, подмела пол, перестелила кровать. Пошла вынести мусор. Возле двери стоял Витька.

— А я на вечер не иду. Приехал отец с фронта, с самой передовой! Смотри, какой он мне компас подарил!

Я вернулась домой. Нарезала из бумаги снежинок, повесила их на ёлочку и стала ждать маму. Она пришла рано. Принесла паёк к празднику: баночку

консервов «Бычки в томате», немного пшеница и кулёк «подушечек». За этот день она как-то осунулась, непривычно печально глядели её глаза.

— Я ходила к начальнику. Рассказала ему всё и предупредила, что меня могут арестовать.

— И что он сказал?

— Сказал, что не стоит расстраиваться раньше времени.

— А у генеральши ты была?

— К ним кто-то приехал. Я не пошла.

— Это генерал приехал. Витька сказал.

Стемнело. Мы сидели на кровати, в тепле. У нас были продукты. За стеной громко говорило радио о наступлении наших войск под Сталинградом, о множестве плененных немцев. Но на душе было тревожно. Мы прислушивались к любому звуку, раздающемуся за дверью.

Мой папа так же прислушивался ночами к шагам по лестнице, к проезжающим на улице машинам, пока за ним не пришли. Мы не знаем, где он сейчас...

Семь часов вечера. Кто-то спускается по нашей лестнице... Стучат..

— Всё, — сказала мама. — Это за мной.

Вошла генеральша Мария Николаевна, в нарядном платье. Она смущённо улыбалась.

— Я пришла за вами. Мой муж и я приглашаем вас встречать Новый год. Виктор тоже.

И добавила:

— Пожалуйста, приходите обязательно. Мы будем вас ждать.

Она ушла, как утром, не закрыв за собой дверь. А мама долго-долго плакала.

ДАМА С СУДЬБОЙ

Он прошёл через читальный зал, мастито ссутулившись, сел за столик с тремя чахлыми гвоздиками в керамической вазе, щёлкнув замками, достал из «кейса» печатные листки. Посмотрел вокруг. Здесь было всё, как и раньше: большие портреты классиков между окнами, тяжёлая пыльная люстра с множеством лампочек-свечек, всё тот же специфический книжный запах. За небольшими столами сидели читатели: студенты, пенсионеры — все, кого удалось согнать из других залов. Одни листали книги и журналы, другие смотрели по сторонам. Когда-то давно он пришёл сюда в первый раз, «молодой, талантливый, красивый» (подумал и усмехнулся). Тогда он читал свои «первые опыты» под аплодисменты. Подготовленная временем публика легко

распознавала фиги в кармане. С тех пор жизнь так стремительно менялась, что задержать мгновения, а тем более дать им оценку — не получалось. Расцвет его провинциальной славы миновал. Теперь он писал так, по мелочам. А приглашали его к читателям, наверное, по старой памяти. Он стал читать свой лучший рассказ и понял, что тот безнадежно устарел. Почувствовал себя неловко, заторопился, стал проглатывать слова, пропускать строчки. Наконец всё это закончилось. Под вялые хлопки он спрятал свои бумажки и собрался уходить. Ведущая, библиотекарь, с подобострастием протянула гвоздики. Пришлось взять.

Шёл мелкий дождь. Деревья чернели мокрыми стволами, на голых ветках кое-где висели ошмётки скорчившихся листьев. Он втянулся в толпу уставших людей и вместе с ними зашлёпал по вязкой смеси грязи со старыми листьями. Зажглись фонари и осветили лица тусклым жёлтым светом.

Баба Лена, аккуратно причёсанная, в пёстром фартуке с оборками, ждала его в кресле с книгой в руках.

— Наконец-то! Уже волноваться стала.

— Разве я не предупредил, что после работы встреча с читателями? Вот тебе от них цветы в знак уважения, что воспитала гениального внука!

— Ну и как прошла встреча?

Он сделал вид, что не услышал вопроса:

— Что это ты читаешь?

— А то не знаешь. Чехова, конечно, кого же ещё.

Она поднялась с кресла, положила на стол заложенную очками книгу и пошла в кухню. В маленькой кухне на покрытом крахмальной скатертью столе в плетёной корзинке был разложен замысловато нарезанный хлеб. Сели ужинать.

— Спасибо! Всё было очень вкусно! — как всегда, сказал он и поцеловал бабу Лену в тёплую морщинистую щёку.

— Ты посмотри, что мне выдали. — Она покопалась в сумочке и протянула маленькую красную книжечку. — Бедный твой дед десять лет рыл землю на «великих стройках», чтобы теперь я бесплатно каталась в трамваях! А мне это уже давно не нужно. Магазин рядом.

— Поздравляю от души! Завтра же повезу тебя в собор. Помолишься за такое заботливое правительство. Потом поедем в кино. На очередной боевик.

— Нет уж! Прошли те дни, когда ты таскал меня, старуху, развлекаться. Лучше б с молодыми!

— Начала свою песню!

— Вот скоро умру, останешься совсем один. — Она печально улыбнулась. — Всё время об этом тревожусь, поверь. Девятый десяток. Это тебе не шутки!

Он взял газету и прилёг на диван, а баба Лена пошла к себе в угол, за книжный шкаф, стелить постель.

Поздним вечером позвонил Сергей:

– Когда ты будешь дома? Хочу принести опусы одной дамы. Посмотри как профессионал. И дай консультацию, по возможности. Своеобразная дамочка!

– Ладно. Посмотрю. – В трубке запикало.

Тоже нашёл профессионала! Вечно этот Сергей. То щенков пристраивает, то с дамочками...

В квартире было жарко. Баба Лена, кряхтя, встала, открыла окно, опять легла, но уснуть не могла. Тяжёлые мысли лезли в голову, заставляли страдать. Похоронит он её, придёт в пустую квартиру, ни родных, ни близких. Сердце сжималось от жалости. Без матери, без отца с ранних лет. Дед – в пятьдесят, отец – в тридцать. Потом мать... Повесит ещё один портрет – рядом, в такой же рамочке. Были подруги, одна, другая. Ждали, ждали, не дождалась, вышли замуж. Какая тут личная жизнь в однокомнатной квартире со старухой в придачу!

Она ворочалась, поправляла подушки, вздыхала. Раньше часто ездила к брату в Москву, к приятельнице на дачу. Теперь прочно осела в шлакоблочной коробке. Продолжала, что есть сил, поддерживать домашний уют. Ради внука, как-то украсить ему жизнь. Но делать это становилось всё тяжелее.

Он тоже не спал, и пружины старого дивана стонали под его тяжёлым телом. «Жизнь пошла за второй перевал...» А вспомнить нечего. Незаметно пролетели школа, студенческие годы. Хвостов, и тех никогда не было. Не было и настоящей любви. Избегал. Боялся осложнений... Работа – ненужный заводу отдел. Он, оргтехника и пять женщин. Трех надо бы сократить, вчера служебку принесли. А кого? Два месяца без зарплаты. И ничего не пишется...

Постепенно гасли огни напротив, замолкали телевизоры, прошёл последний троллейбус. Уличный фонарь высвечивал на полках корешки давно прочитанных книг: «Мифологический словарь», «Путеводитель по Библии», Замятин, Мережковский, Шмелёв.

Писатель... Неудачник, с пустотой впереди. С грустными думами он наконец уснул. А баба Лена долго ещё лежала на своей кровати, уткнувшись носом в ковёр и вода рукой по его незатейливому рисунку...

Как всегда, в семь, затрещал будильник. Не открывая глаз, он заткнул его пальцем. Забыв на столе свёрток с завтраком, заботливо приготовленный бабой Леной, выскочил из подъезда в неуютную темень промозглого утра, вдавился в троллейбус и долго ехал, оцепенев, ухватившись за поручень.

Вечером, когда ушёл Сергей, он включил настольную лампу, сел и открыл изрядно потрёпанную общую тетрадь с приклеенными на обложке незабудками. Поздней ночью дочитал последнее стихотворение.

Стихи, писавшиеся в течение многих лет по разным поводам, были слабые, неумелые. Но от них веяло такой свежестью и искренностью чувств, что захватывало дух. И какая судьба увиделась ему в этих беспомощных творениях! Первая любовь, первое разочарование. Замужество. Пелёнки, измены мужа... Крушение всяческих надежд. Одиночество... словно роман прочитал. Поражала смелость, беспощадность автора к себе. Даже не верилось, что это бойкое перо принадлежит женщине...

Баба Лена давно спала у себя в уголке, а он перечитывал снова и снова, вникал и думал, представлял и фантазировал. Пока не заснул.

— Ну как? — позвонил Сергей. — Что ей сказать?

— Через посредника не могу.

— Сказать, чтоб к тебе пришла? Когда?

— Завтра. Часов в семь.

Он ходил по комнате и не знал, с чего начать разговор. Было как-то неловко. Наконец решился.

— Баба Лена, не сходишь ли ты куда-нибудь погулять или к подруге? А то всё дома и дома.

— Погода сегодня...

— Понимаешь, тут ко мне должны прийти на консультацию.

— Хорошо, хорошо, — она стала догадываться. — Пойду к Марии. Переночевать могу... — Она засуетилась, заторопилась.

— Не спеши. Вечером, часам к семи, ладно?

«И что же ей скажу?» Он снял с полки «Теорию литературы» и стал листать... Подзабыл. Подзабыл! Опоясывающая. Перекрёстная. Ямб. Амфибрахий... Нет, не это, не это. Нужно по существу. Дескать, есть настроение, чувство, откровенность, подобие образов. Но чудовишно! Чудовишно сделано! И эта элементарная безграмотность! Что она, классиков не читала? Может, и образования у неё нет. Так, «кулинарное училище». Он посмотрел в окно. Опять шёл дождь. Сколько можно? Целый месяц... Нет, но судьба! Судьба! И он представил себе, как бледная девочка, украдкой кропающая стишки, ночью, когда все уже спят и жёлтый месяц глядит в окно через тюлевую штору, постепенно превратилась в усталую женщину с синим гримом на веках, с седой прядью в волосах. Сигарета, вишнёвый маникюр... От восторженной девочки — до ироничной дамы...

Он услышал, как баба Лена, в своём выходном платье, надушенная и свежая, почти молодая, хлопнула дверью, отдав перед этим последние распоряжения: протереть чашки, переложить варенье в хрустальную вазочку, достать хорошие ложки... Без двадцати семь! Сейчас зайвится. Срочно переодеться! Галстук? Нет. Не подходит. Белая рубашка и шейный платок. Небрежно, подомашнему. Расстегнуть воротник. Пожалуй, платок не надо. Брюки, брюки... Ни одни не лезут — брюшко. Только на вдохе. Не высидеть. Привык

в трениках — валяться на диване... Придёт дама! В глазах скепсис... но где-то в глубине — маленькая искорка надежды. Не всё ещё потеряно! Мы оба столько пережили и выстрадали... Ну, Сергей! Стихи — это предлог! Остроумный предлог. Он, наверное, таким способом решил познакомиться. И заодно консультация. Придумал, нечего сказать! С него станет... Дама — с судьбой. И у неё сын. Категоричный молодой человек с меняющимся голосом. Отвергает всё и всех. Готовый сын. Взрослый сын — почти молодой человек! Постараться найти общий язык. Мужские разговоры, книги, шахматы, прогулки на лыжах. Втроем. Ужин. Лёгкое вино, горячие бутерброды. Приятная усталость, румянец на щеках, забавные истории... Да, нужно что-то на стол. Конфеты. И, конечно, кофе. Гляссе — кажется, есть сливки. Немного ликёра. Это потом... Чашечки. Вот они. Залежались... Две тонкие фарфоровые чашечки с блюдцами. Почти прозрачные, невесомые, в мелких голубых цветочках. Эти чашечки подарила Лиля. Лиля, Лиля, где она, что с ней? Век не видел. Целых десять лет. Отмечали тридцать, да ещё вышла книга, первая и последняя. Были гости. Сергей пел: «Заезжий музыкант целуется с трубою...» И был бабин Ленин «наполеон». Она так устала, что еле держалась на ногах. Все ушли, Лиля осталась помогать. Убрали, потом пили кофе. В кухне, из этих чашечек... Лиля, Лиля, тонкая, как змея, в своём зелёном платье, с распущенными волосами... Не осталась. Не стал уговаривать. Довёл до троллейбуса, посадил и пошёл домой... Больше не пришла. Чашечки — как напоминание о несбывшемся... Он поправил покрывало на диване и вспомнил из песни: «...Где койка у окна — всего лишь по рублю...» Топят — сил нет! Открыл окно. Подошёл к зеркалу. Щетина. Некогда, пусть так. А то подумает, что специально готовился. Теперь — бра. А общий свет... Нет. Не годится, всё это потом. На стол — альбом. Бакст или Шагал. А она знает, кто такие? Пусть полистает. Музыка прямо сейчас. Что-нибудь небанальное, но достаточно комфортное: лютни, например, или джаз. Вот она, пластинка. Большая старая долгоиграющая пластинка. Вертушка, правда, времён очаковских... Медвежонок запылится. Наташа, любовь моя школьная! Как подарила, с тех пор стоит. А у неё дочь уже замужем...

Позвонили. Торопясь, шаркая домашними туфлями, пошёл открывать. Соседка принесла яблоки.

— Спасибо, Васильевна! Вы так добры! — Вымыл яблоки и уложил в хрустальную вазу. Устал, сел на минуту в кресло.

Дама не приходила. Наверное, не придёт. И вообще, всё это — абсурд. И стихи, и дама. Зачем только старуху стронул с места. Сидела бы и читала своего Чехова. «Не много ль я хочу, всему давая цену...» — опять всплыло из песни.

...Она вошла и принесла с собой букет запахов: прелых осенних листьев, дорогих духов.

– Здравствуйте! Нарушила ваш домашний регламент? Сергей сказал, что вы страшно занятой человек... Я ненадолго.

Ничуть не смущаясь, дама расшнуровала высокие ботинки, сама повесила кожаный коричневый плащ, тщательно причесалась у зеркала. Она выглядела значительно моложе, чем он себе представлял. Её можно было бы назвать красивой, если бы не излишний макияж: густые коричневые волосы, большие весёлые карие глаза, длинные, сильно накрашенные ресницы, яркий румянец на щеках... Она удобно устроилась в кресле, аккуратно расправив складки тёмного шёлкового платья.

– Я читала вашу книгу. Давно. Она мне очень понравилась. Особенно рассказ про несчастных телят. Сколько времени прошло, а они стоят передо мной, как живые. В своём загоне, по колено в грязи, такие худенькие, с печальными глазами. Снег сыплется, сыплется, и никому до них дела нет... И сейчас у меня сердце разрывается от жалости!

– Устарел этот рассказ. Безнадёжно устарел. Ну так что, начнём? Может, сначала кофе? Или чаю?

– Нет, что вы! Спасибо. Я не буду у вас много отнимать времени. Готова слушать всё, что вы скажете. Не стесняйтесь в выражениях. Никогда никому не показывала из профессионалов. Читала подругам, им нравится...

Он открыл тетрадь. Перевернул несколько страниц.

– Понимаете, у меня к вашим стихам отношение сложное. Нравится искренность, смелость. Можно сказать, отвага. Не каждый может так – из себя. Скажите, это... не биография? Откуда вы берёте сюжеты? Я не спал всю ночь под впечатлением...

– Ещё в школе стала сочинять. Никому не показывала. Сначала о себе. Потом надоело: всё так банально, благополучно, без конфликтов. Полюбила, вышла замуж, не разлюбил, – она весело засмеялась. Сверкнули длинные серьги в ушах. – Пишу обо всём, что рассказывают подружки, друзья, мама, муж, а теперь и старший сын! Присочиняю кое-что. Всё очень просто! Теперь уже так привыкла, что не мыслю, – снова засмеялась, – дня без строчки. Вчера ещё три наляпала. Хотите, прочту?

– Но всё, между прочим, очень плохо!

– Я знаю, что плохо. Это Сергей заставил: «Покажи, покажи, может, в тебе великий поэт погибает».

– А если сесть и поработать?

И он прочитал ей лекцию о том, как нужно писать: о рифмах и ритмах, о традициях... Она внимательно слушала и улыбалась.

– Спасибо за такой глубокий анализ и консультацию. Только переделывать... зачем? Всё равно не напечатают, да мне это и не нужно. А теорию литературы я, вообще-то, сдавала. На пятёрку сдала. Потом забыла. Мой любимый профессор даже не догадывался, что я сама сочиняю... Вот. А вчера, например, готовлю ужин, смотрю в окно. На деревьях ни одного листочка, а вишня вся красная, как ни в чём не бывало. Написалось что-то...

– И все же, кофе? – он включил проигрыватель. Тихо зазвучала музыка.

– Нет, нет, надо идти.

– Могу я задать вам банальный вопрос?

– Конечно.

– Вы... счастливы?

– Пожалуй, да, – она легко вздохнула, поднялась с кресла, поправила причёску.

– Я провожу вас?

– Нет, не надо. Большое спасибо за консультацию, и вообще, мне было так интересно с вами. Сергею спасибо, что познакомил.

Он помог ей надеть плащ и проводил по лестнице вниз. Навстречу с фонариком и полным ведром картошки поднималась соседка. Она внимательно и с одобрением посмотрела на даму.

– Ну что ж. Прощайте. Желаю вам творческих успехов. Стихи всё-таки пересмотрите тщательно и подправьте. Работы с ними – непечатый край. Потом покажем в журнале кому надо.

– Может быть, – она улынулась и помахала рукой.

Поднимаясь по лестнице, он увидел через окно, как дама подбежала к высокому мужчине, взяла его под руку, и они скрылись в тёмной улице.

Дома было тепло, уютно. Пахло кофе. На столе стояли пустые чашечки, блестели маленькие серебряные ложки. Лютни ласкали слух. Сиротливо выглядывал из-за книжного шкафа диван бабы Лены, аккуратно застеленный клетчатым пледом. «Как она будет спать на чужой кровати?..» Он снял с проигрывателя пластинку, включил телевизор. В новостях кто-то кого-то убивал, убивал, убивал... Щёлкнул выключателем – экран погас. Расстелил свою постель, лёг, развернул газету. Не читалось. Выключил свет. Стали слипаться глаза. «А ничего был бы сюжет. Вот так, как есть... И вообще, пусть – всё, как есть...»